

Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г.

В.Г. Дацышен

Япония и советско-японские отношения в Маньчжурии были важным фактором событий советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. До настоящего времени данный вопрос остается не исследованным, в исторической литературе чаще всего закрывается пропагандистскими штампами. Летом-осенью 1929 г. именно через Японию поступала в Россию основная информация о событиях в Маньчжурии. Позиции СССР и японского руководства по проблеме КВЖД в основном совпадали. 1929 г. был временем успешного двухстороннего взаимодействия, но не произошло и отказа от курса на свертывание советско-японского сотрудничества.

Ключевые слова: советско-японские отношения, советско-китайский конфликт, КВЖД, Маньчжурия, 1929 г.

В первой половине XX века отношения между Россией/СССР и Японией по поводу Маньчжурии во многом определяли всю систему международных отношений на Дальнем Востоке. Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. был важнейшим событием в международных отношениях той эпохи. События же в Маньчжурии непосредственно влияли на всю ситуацию в русско-японских отношениях. В 1929 г. произошел первый военный конфликт Советского Союза с соседним государством, и это было самое крупное вооруженное столкновение между СССР и Китаем. Можно предположить, что советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. стал важнейшим фактором, обусловившим успех японской агрессии в Маньчжурии в 1931 г. Следовательно, проблема советско-японских отношений в связи с конфликтом на КВЖД является очень интересной и важной.

В первых же публикациях, посвященных проблемам советско-китайского конфликта в Маньчжурии, прямо ставился вопрос: «Кому нужна была харбинская авантюра». И на него давался четкий ответ: «Умеривши аппетиты английского империализма, Америка с тревогой стала посматривать и на японский. Она уже тянется к Северной Маньчжурии, чтобы здесь создать тупик, мешающий росту японского влияния» [1, с. 29]. В советской брошюре по проблемам КВЖД, изданной сразу по окончании конфликта с Китаем, при перечислении виновников конфликта, к каковым были причислены все влиятельные зарубежные державы, было заявлено: «Япония... была заинтересована в конфликтах китайских властей с СССР»

[2, с. 9]. Далее бывший директор Центрального института живых восточных языков и советник в Китае Г.Б. Скалов утверждал: «Стремление империализма спровоцировать СССР на войну, борьба САСШ с Японией за Манчжурию... – таковы основные причины захвата КВЖД» [2, с. 36].

В работах советских пропагандистов и японских коммунистов, массово выходивших в связи с японской агрессией в Маньчжурии с начала 1930-х годов, о проблемах 1929 г. ничего не говорилось [3]. При этом из работы в работу переходил главный тезис: «Вся внутренняя и внешняя политика правящих классов Японии в настоящее время сосредоточена на подготовке нападения на СССР» [4, с. 3]. К концу 30-х годов в советских публикациях появились уже прямые обвинения Японии. В работе, изданной «Партиздатом» в 1938 г., говорилось: «Японская военщина втянула Чжан Сюэ-ляна в 1929 г. в бессмысленную попытку самовольного захвата КВЖД, закончившуюся разгромом захватчиков частями славной Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. Одно время Чжан Сюэ-лян пытался оказать пассивное сопротивление агрессивным стремлениям японской военщины... Он круто расправился со своим начальником штаба Ян Юй-тином, которого уличил в попытке сговора с японцами за своей спиной» [2, с. 9].

После Второй мировой войны «во всех грехах» обвиняли Америку, и до японцев дело часто не доходило. В 1954 г. в Москве была защищена диссертация по теме «Борьба СССР за мир и дружбу с китайским народом и провал американских империалистов и китайских милитаристов на КВЖД в 1929 году». Диссертант В.П. Кочетов сформулировал в качестве задачи «показать мирную политику Советского Союза на Дальнем Востоке в 1927–1929 гг. и разоблачить провокационную роль американских империалистов в конфликте на КВЖД в 1929 году» [5, с. 1]. О Японии почти ничего не говорилось, за исключением того, что захватническая политика США ущемляла интересы Японии. Данная позиция была закреплена в советской историографии. В многотомной академической «Истории СССР» говорилось: «Империалисты продолжали наращивать вооружения и искали повод пустить накопленные запасы оружия в дело. В 1929 г. они вновь попытались прощупать прочность обороны Советской страны, на этот раз на Дальнем Востоке... Среди внешних сил, стоявших за спиной провокаторов, особенно активны были США, стремившиеся захватить контроль над КВЖД, чтобы использовать дорогу и в антисоветских, и в антикитайских целях» [6, с. 374]. В «Истории Северо-Восточного Китая» 1989 г. издания написано: «Империалистические круги Японии, США, Англии, Франции, опасаясь потерять контроль над КВЖД... подстрекали китайские власти к обострению отношений с советской администрацией дороги... Рассчитывая на поддержку империалистов США, Англии, Франции, китайские милитаристы бросили Советскому Союзу вызов» [2, с. 95–100].

В работах современных исследователей также мало уделяется внимания проблемам советско-японских отношений в связи с конфликтом на КВЖД. В 1996 г. в Институте востоковедения РАН была защищена диссертация Сон До Чжин «Советско-китайский дипломатический конфликт вокруг КВЖД (1917-1931 гг.)», и в ней ничего не говорится о роли Японии в конфликте. Авторы работы «Системная история международных отношений», под редакцией А.Д. Богатурова, утверждают, что конфликт на КВЖД был «первой попыткой вытеснить иностранное присутствие из Китая силой» [7, с. 247]. Ни о каком участии

«империалистов», в том числе Японии, российские международники здесь не пишут. В работе В.Э. Молодякова «Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945)» события советско-китайского конфликта 1929 г. освещаются на восьми страницах, но собственно советско-японским отношениям в них отдано всего полстраницы. Российский японист пишет: «Во время конфликта Япония заняла позицию благожелательного нейтралитета в отношении СССР... В конце июля Сидехара предложил Трояновскому посредничество в разрешении конфликта. Полпред разговор поддержал и сообщил о нем в Москву, за что получил выговор от Политбюро» [8, с. 351].

В 2007 г. российские академические институты подготовили сборник документов «Москва–Токио», в котором «представлены материалы, показывающие, как в сложной международной обстановке на Дальнем Востоке складывались и развивались отношения между Советским Союзом и Японией» [9, с. 5]. Однако в предисловии не упоминаются проблемы двухсторонних отношений в связи с КВЖД, а в хронологии представленных документов отсутствует период собственно советско-китайского конфликта, следом за документом от 19 июня 1929 г. (по рыболовному вопросу) идет документ за 6 декабря 1929 г. (по рыболовному вопросу) [9, с. 292–294]. Но судя по составленному известным японским международником Инаба Чихару каталогу документов АВПРФ «Советско-японские отношения», в его фондах много документов по 1929 г., в том числе и по проблемам КВЖД во время вооруженного конфликта, например, «Беседы М.М. Литвинова с послом Японии о военных событиях в Маньчжурии» [10, с. 111].

Формат последней обобщающей совместной российско-японской работы «Российско-японские отношения» [11] также не позволил осветить вопросы истории советско-японских отношений в Маньчжурии в 1929 г. Таким образом, в российской историографии проблема советско-японских отношений в связи советско-китайским конфликтом на КВЖД остается почти не исследованной. Следовательно, перед историками стоит задача восстановить картину советско-японских отношений в 1929 г., выявить и проанализировать проблемы отношений между двумя странами и народами в связи с советско-китайским конфликтом на КВЖД. Отчасти решению этих задач посвящена данная статья.

К лету 1929 г. международная ситуация вокруг Маньчжурии изменилась. Власть в Китайской Республике захватил Чан Кайши, порвавший отношения с СССР и коммунистами, столица была перенесена в Нанкин. Был убит лидер Маньчжурии Чжан Цзолинь, и регион возглавил его сын Чжан Сюэлян, признавший власть Гоминьдана. СССР вступил эпоху радикальных преобразований, известных как «Великий перелом». В Японии в начале июля 1929 г. сменилось правительство. Новое правительство во главе с Ю. Хамагути взяло курс на сокращение военных расходов и улучшение отношений с Китаем. Советско-китайские противоречия вокруг КВЖД принимали все более непримиримый характер, конфликт следовал за конфликтом. Российские историки справедливо отмечают: «Во время советско-китайского управления КВЖД в 1924–1935 гг. дорога являлась источником постоянных конфликтов... Китайская сторона так и не смогла на деле смириться с совместным с Советским Союзом владением дорогой...» [12, с. 276].

В сложившейся в конце 1920-х годов ситуации Японии, владевшей железной дорогой в Южной Маньчжурии, в целом, было выгодно сохранение статус-кво. Японский дипломат Мори Кодзо на встрече с Г.В. Чичериным в феврале 1928 г. заявил: «Для ЮМЖД и для интересов японцев необходимо, чтобы КВЖД функционировала правильно, а это может быть сделано лишь при том условии, если русские там останутся в таком же положении. Как теперь, ибо один Чжан Цзолинь только разрушит ж. д. и больше ничего, чем принесет величайший вред японским интересам. Надо поэтому связать интересы СССР и интересы Японии для того, чтобы в случае посягательств Чжан Цзолиня на КВЖД Япония сказала «нет». Таким случае Чжан Цзолинь не посмеет этого сделать» [9, с. 243]. 31 января 1929 г. Гото Симпэй заявил отъезжающему в Москву И.М. Майскому: «Нас очень волнуют слухи о том, что СССР собирается вернуть Китайско-Восточную железную дорогу Китаю» [9, с. 276].

Однако взаимный интерес не исключал множество проблем и противоречий, существовавших между Советской Россией и Японией, в том числе и по Маньчжурии – конкурентная борьба между двумя железными дорогами, противостояние двух идеологий, исторические обиды и претензии и т.д. Типичная ситуация: то в Сообщении ТАСС говорилось, что Дайренский японский официоз «Мансю-Ниппо» в номере от 8 июня напечатал статью, озаглавленную «Советское правительство замышляет захват КВЖД» [9, с. 251–252]; то в июле 1929 г. в газете помещается фотография – «Японская делегация Южно-Маньчжурской ж. д., приехавшая на ДВ в ответ на визит правления Уссурийской жел. дор.» [13, 1929, 21 июля].

Развитие советско-китайского противостояния в Маньчжурии привело к захвату китайскими властями КВЖД. В подписанной заместителем наркома иностранных дел Л.М. Караханом дипломатической ноте от 13 июля 1929 г. говорилось: «10 июля утром китайские власти произвели налет на КВЖД и захватили телеграф по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР... Дубань дороги Люй Чжунхуан предъявил управляющему КВЖД Емшанову требование передать управление дорогой другому лицу, назначенному дубанем... По всей КВЖД закрыты и разгромлены профсоюзы и кооперативные организации рабочих, арестовано более двухсот граждан СССР...» [14, с. 5]. Газеты в подробностях сообщали историю отъезда управляющего КВЖД А.И. Емшанова из Маньчжурии: «При высылке советских сотрудников присутствовали представители германского, японского, американского и польского консульств и японского Ю.-М. ж. д.» [15, 1929, 18 июля]. Таким образом, с самого начала конфликта японские представители следили за ситуацией и действовали совместно с представителями стран Запада.

С первых дней советско-китайского конфликта на КВЖД Япония стала главным «информационным посредником». 12 июля 1929 г. Полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю направил в Далькрайком ВКП(б) телеграмму о том, «что в японской прессе объявлено о переходе КВЖД в руки китайских властей, управляющий КВЖД А.И. Емшанов и его помощник А.А. Эйсмонт высылаются из Китая» [16, с. 40]. Через Токио ТАСС получал основную информацию. Уже 20 июля в советских газетах была напечатана такая информация: «ТОКИО, 18 (Тасс). Мининдела китайского правительства Ванчжентин... дал в Циндао интервью корреспонденту газеты "Ници Ници". Ван Чжен-тин заявил, что

национальное правительство не намерено разрешить вопрос о КВЖД силой. Оно желает сохранить дружественные отношения с СССР...» [17, 1929, 20 июля].

В развернувшейся в СССР политико-пропагандистской кампании главным виновником советско-китайского конфликта называли «империалистические страны». В «Резолюции общегородского собрания восточных рабочих, принятой единогласно 29-го мая 1929 года» говорилось: «Мы, восточные рабочие города Читы, выслушав информационное сообщение о событиях в Харбине – налеты на Советское Консульство и т.д., категорически протестуем против наглых действий Китайских реакционеров, лакеев империализма... Неоднократные налеты на Советские учреждения, аресты и издевательства над советскими гражданами, чинимые китайской бандой, руководящей Английским и Японским империализмом, для того, чтобы провоцировать советское правительство на войну...» [18, Ф. Р-474. Оп.1. Д. 374. Л. 127].

Пропагандистская кампания проводилась посредством советских газет. В августе 1929 г. была помещена статья «Карты империалистов раскрыты. Член правления КВЖД тов. Макаров в этой статье раскрывает все махинации империалистов, направленные к захвату КВЖД». О Японии автор данной статьи говорит в последнюю очередь, после Англии, США и Франции. Однако «планам Японии» уделено много внимания: «Наибольшие империалистические интересы в Маньчжурии имеет Япония... Япония все больше и больше распространяет свое влияние на Советскую Маньчжурию, где растет активность японского капитала во всех областях хозяйственной жизни... КВЖД... являлась сильнейшей помехой японскому проникновению... Японские реакционные круги на Южно-Маньчжурской ж. д. проявляли поэтому неизменно враждебное отношение к деятельности советских организаций в Маньчжурии и использовали свое влияние для обострения отношений между советскими и китайскими представителями на дороге и подогревании антисоветских настроений в китайской военщине. Однако Японии приходится чрезвычайно опасаться проникновения американского капитала... Япония вынуждена занимать позицию противодействия планам интернационализации дороги, надеясь на захват ее исключительно собственными силами...» [17, 1929, 25 августа].

Архивные документы указывают на то, что советские пропагандисты в 1929 г. в числе «виноватых империалистов» Японию, как правило, не называли. Крестьяне села Усть-Када Иркутского округа писали консулу Китайской Республики в Иркутске в связи с конфликтом 1929 г.: «Ваше правительство является штабом китайских контрреволюционеров, агентом английского кабинета политических проституток и сторожевым псом англоамериканского капитала» [19, Ф. 16. Оп. 1. Д. 1225. Л. 117]. О Японии не говорилось даже в «Резолюции о состоянии работы и задачах Китайской секции при ОК ВКП(б)» [19, Ф. 16. Оп. 1. Д. 1478. Л. 27]. И это при том, что с 1918 г. на всех политических акциях китайцев в СССР упоминание агрессивности Японии было обязательным. В распространяемом в Советском Союзе «Воззвании ЦК Китайской Компартии – к рабочим и угнетенным массам всех капиталистических стран и колоний. К пролетариату и крестьянству СССР» говорилось: «Китайское гоминьдановское правительство... под диктовку империалистов оно пошло и на провокацию войны против СССР, насильственно захватив К.-В.-ж.д. и мобилизуя свои войска на границе... оно готово проводить все предначертания международного

империализма, проводящего политику окружения СССР... Единому фронту империалистов, китайской реакции и международной социал-демократии мы должны противопоставить единый фронт революционной солидарности с СССР» [18, Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 8]. Таким образом, коммунисты СССР и Китая продолжали пропагандировать идею «мирового империалистического заговора» против СССР, однако в бесконечных памфлетах не только ничего не говорилось о Японии, но и вообще не приводилось никаких примеров. В конце ноября «Правда» поместила подборку сообщений под рубрикой «Империалисты ищут повода к выступлениям против СССР». В них говорится, что США и европейские державы «хотят руку приложить к К.-В. ж. д.» [20, 1929, 29 ноября], однако Япония среди потенциальных агрессоров не упоминалась.

Согласно материалам советских СМИ в 1929 г. в Маньчжурии имела место схожесть проблем и общность средств и методов их решения для СССР и для Японии. В опубликованной в ежедневной газете политического управления Сибирского военного округа «Красноармейская звезда» статье «Столкновение японских частей с китайской полицией» говорилось: «По сообщениям японских газет, 13 сентября во время японских маневров близ Чанчуня японские части были обстреляны китайской полицией. В ответ на это японцы арестовали начальника Чанчуньской полиции и 26 полицейских. Японцы требуют, чтобы чанчуньская полиция извинилась и представила объяснения в письменном виде японской жандармерии и обещала бы, что подобные инциденты не повторятся. Японцы также предупреждают, что будут впредь расстреливать нападающих на месте» [21, 1929, 18 сентября].

В ходе советско-китайского конфликта в советских газетах появлялись сообщения о сотрудничестве антисоветского китайского руководства КВЖД с японцами. В октябре 1929 г. газета «Правда» поместила сообщение ТАСС из Токио под названием «Подготавливают сделку с японскими империалистами»: «Из Харбина от 9-го сообщают: управление К.-В. ж.д. подготавливает снижение тарифов на грузы, направляемые с конечных станций западной и восточной линий на Дайрен» [20, 1929, 12 октября]. Появлялись в прессе сообщения и о недружественных актах со стороны Японии по отношению к СССР. Например, 12 октября 1929 г. газета «Известия» опубликовала материал «Японский банк выдал советские деньги белогвардейцам», подчеркнув, что «в СССР по достоинству будет оценен этот неслыханный акт» [22, 1929, 12 октября].

Иногда советские газеты печатали сообщения из Японии и сразу же их опровергали. 27 сентября газета «Известия» опубликовала сообщение о том, что японский министр иностранных дел на заседании кабинета министров 24 сентября заявил, что между советским и Нанкинским правительствами происходили тайные переговоры, но после публикации советской стороной проекта соглашения переговоры были немедленно прекращены. И сразу же «Известия» опубликовали «Опровержение японского правительства», заявив что такого факта не было.

В целом, Япония поддерживала Советский Союз в его позиции и действиях по отношению к конфликту на КВЖД. В советских газетах было напечатано «Заявление японского мининдела»: «ТОКИО, 18 (Тасс). Представитель японского мининдела в интервью с корреспондентом Тасс категорически опровергает слухи, будто японское правительство

предлагает обратиться к Лиге Наций в связи с конфликтом на КВЖД. Представитель добавил, что это дело в настоящее время касается только СССР и Китая, и никакая третья сторона не имеет оснований вмешиваться в конфликт» [17, 1929, 20 июля].

Японская позиция по поводу конфликта на КВЖД привела к тому, что в Москве заметно смягчили оценки японских лидеров. В начале октября 1929 г. в советских газетах было напечатано сообщение из Токио «Скончался бывший премьер Японии Танака». Об одном из наиболее консервативных и агрессивных японских политиков осенью 1929 г. в СССР писали очень сдержанно: «Танака. Бывший генерал, военный министр в правительстве Хаара, организовавшем интервенцию в Сибири, в бытность свою премьером правительства вынужден был, под давлением экономических интересов страны, пойти на сближение с СССР» [17, 1929, 2 октября].

Следствием развития конфликта на КВЖД было некоторое сближение Советского Союза и Японии, расширение масштабов сотрудничества. В работе В.Э. Молодякова приводится такой пример: «29 августа, в разгар конфликта, Наркомат путей сообщения через НКВД и советское посольство в Токио обратился к Министерству железных дорог с просьбой о содействии в реконструкции линии Москва–Казань "по методам, применяемым в Японии", и об откомандировании в СССР нескольких специалистов в качестве советников. Японцы охотно откликнулись, и между заинтересованными инстанциями началась переписка» [8, с. 351]. Здесь необходимо отметить, что еще в мае 1929 г. японский консул в Новосибирске К. Накамура попросил у руководства Сибирского края полную информацию о механизмах работы и состоянии транспорта с целью использования сибирского опыта при модернизации транспортной системы в Японии. Однако в Новосибирске порекомендовали японцам обратиться к опубликованным материалам [23, Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 14. Л. 11-12].

1929 г. стал временем успешного развития торгово-экономических отношений между Советским Союзом и Японией. В газетном интервью торгпред П.В. Аникиев сказал: «Наш торговый оборот за четыре года работы торгпредства показывает сильный рост... в 1927–28 году вырос до 29.639.000 иен и в минувшем году – до 36.887.000 иен... Импорт из Японии в этом году достиг суммы в 15.122.566 иен, с увеличением против прошлого года на 49 проц.» [24, 1930, 7 января]. В японском «Экономическом вестнике» за 1 января 1930 г. говорилось: «На днях в порт Симизу пришел первый советский пароход «Арика», принадлежащий Совторгфлоту. После погрузки чай будет перевезен сначала в порт Владивосток, а затем перевезен в порт Одессу. В связи с разрывом советско-китайских отношений и перенесением части заказов СССР из Китая в Японию в текущем году значительно увеличился советский заказ в Японии на японский зеленый чай, который в этом году достиг в количественном отношении партии в 2 800 000 паундов, что в ценностном выражении составит 1600000 иен, ровно в 2 раза больше чем в прошлом году» [25, 1930, 1 января]. В архивных фондах сохранилась «Телеграмма в ЦК ВКП(б) и тов. Микояну о разрешении импортировать из Японии 200 тыс. пудов муки для снабжения Камчатки, Сахалина и Николаевска» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 63].

Несмотря на видимую общность интересов между СССР и Японией, в 1929 г. руководство Советского Дальнего Востока продолжало политику вытеснения японского труда и сохранения китайского труда на советской территории. Во второй половине 1929 г.

Дальневосточный Крайком ВКП(б) принимал решения о мерах по «прекращению утечки китрабочих» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 60]. Но при этом Далькрайком также констатировал, «что постановление Политбюро о замещении японской рабсилы русскими работниками хозорганами не выполнено» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 73]. Осенью 1929 г. Далькрайком ВКП(б) решил: «Поручить фракции ДКИК и Сахалиннефть немедленно поставить перед Москвой вопрос о прекращении после выполнения договора в связи с погашением займов 1 000 000 млн, продажи нефти японцам, а продажи ее американцам или через Нефтесиндикат на другие рынки» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 67]. 22 января 1930 г. в главной газете Дальневосточного края было опубликовано интервью японского министра иностранных дел корреспонденту ТАСС, в котором, в частности, говорилось: «Я твердо убежден, что отношения между обоими государствами должны быть непременно дружественными. К счастью, в течение последних пяти лет, вплоть до сегодняшнего дня, возобновленные отношения привели к усилению дружбы, и сейчас я желаю дальнейшего, все большего укрепления дружбы между обоими государствами» [24, 1930, 22 января].

На протяжении всего времени советско-китайского вооруженного конфликта Япония оставалась для советского народа главным источником информации о событиях на КВЖД. Сообщения ТАСС из Токио печатались на первой полосе главной советской газеты «Правда»: «ТОКИО, 29 сентября. (ТАСС). По сообщениям из Харбина, случаи избиения железнодорожников – советских граждан продолжаются...»; «Токио, 29 сентября (ТАСС). Председатель китайского коммерческого общества на ст. Маньчжурия сделал сотрудникам харбинской печати следующее заявление...» [20, 1929, 1 октября]. На первой полосе газеты «Правда» за 2 октября информация о конфликте была собрана под рубрикой «В застенках китайских палачей». Здесь, например, было представлено шесть сообщений из Токио, два из «Пейпина» и одно из Вашингтона. В некоторых номерах газеты все сообщения о событиях конфликта были из Токио.

На первых страницах сибирских газет была похожая картина: «Москва, 16. Из Токио и Харбина сообщают: «В один день арестовано и выслано 166 советских граждан, без предъявления им обвинения, в том числе не имеющих отношения к КВЖД... Аресты идут по всем районам и не поддаются никакому учету» [27, 1929, 17 августа]; «Токио, 19. Газеты сообщают: «13 августа в Маньчжурии арестовано 1500 советских граждан. В Харбине арестовано 400, в Хайларе – 200, на станции Пограничная – 160, на станции Маньчжурия 125 ч.» [27, 1929, 21 августа]; «Токио, 30. В Джалайноре, близ станции Маньчжурия, казнены четверо советских граждан, за то, что они случайно прикоснулись к военным проволочным ограждениям» [27, 1929, 31 августа]. В газете «Красноярский рабочий» за 26 сентября 1929 г. было напечатано сообщение из Токио: «Недавно Сумбей посетил руководитель местного христианского союза молодежи – американец, который после этого заявил журналистам, что подобного рода лагеря нельзя найти ни в одной культурной стране...» [17, 1929, 26 сентября].

Материалы на первых страницах газет зачастую начинались так: «ТОКИО. 20 (Тасс). По сообщению газеты «Симбун Ренго»» [17, 1929, 21 августа]. Иногда возникала парадоксальная ситуация, когда в советских газетах сообщения из советских городов печатали как сообщения из Токио: «ТОКИО. 13. По сообщениям из Хабаровска, 10 октября на рассвете банда белых, многие из которых были в китайской форме, напали на селение...»

[17, 1929, 15 октября]. Под рубрикой «Зверства китайских белобандитов не знают конца» в газете «Красноярский рабочий» было помещено четыре материала, в том числе два сообщения из Токио: «Избиения советских граждан продолжаются» и «Свыше тысячи советских граждан – в китайских застенках» [17, 1929, 3 октября]. В другом номере этой газеты, под рубрикой «Расправа, а не суд», о судебном процессе над 38 советскими гражданами в Харбине, все сообщения были из Токио [17, 1929, 9 октября].

Советские газеты печатали сообщения японских информационных агентств, указывающие на попытки китайских властей мирно урегулировать советско-китайский конфликт. Газета «Известия» печатала такой материал: «Токио, 23 октября. (ТАСС) По сообщению аг. «Симбун-Ренго» из Мукдена, мукденские лидеры, совещающиеся настоящее время в Мукдене, склоняются к тому, чтобы начать независимо от нанкинского правительства переговоры по вопросу о КВЖД» [22, 1929, 24 октября]. Однако накануне наступательных операций Красной Армии в Маньчжурии именно со ссылкой на японцев советские газеты писали о «китайской военной опасности». В октябре 1929 г. газеты писали: ««Токио. 20. По сообщению Симбун Ренго, китайские военные власти стягивают силы к Фуцзину и крепости Лахасу, перебрасывая туда гиринские войска. Уже переброшено 10 аэропланов и 9 канонерок» [17, 1929, 22 октября]. Со ссылкой на «японскую военную миссию в Северной Маньчжурии», правда, переданную корреспондентом американского издания, советские газеты накануне Мишаньфуской и Маньчжуро-Чжалайнорской наступательных операций сообщили о подготовке «китайского вторжения» на советскую территорию, «в направлении на Владивосток» [22, 1929, 17 ноября]. Например, «Правда» напечатала сообщение «Военные планы Мукдена» следующего содержания: «ШАНХАЙ, 16 ноября. (ТАСС). Харбинский корреспондент «Чайна Уикли Ревью» (американский орган) телеграфирует, что, по утверждению японской военной миссии в Северной Маньчжурии, мукденцы усиленно готовятся к наступлению и вторжению на советскую территорию. Японский представитель заявил корреспонденту «Чайна Уикли Ревью», что китайцы тайно готовят вторжение, по всей вероятности, в направлении на Владивосток...» [20, 1929, 17 ноября].

Место Японии как источника информации сохранилось и после урегулирования конфликта. В качестве «Сообщения из Токио» была напечатана новость: «По распоряжению Чжан Сюэ-ляна, принята отставка китайского управляющего КВЖД Фан Цзи-гуя, назначенного на эту должность после захвата дороги китайцами. Фан Цзи-гуань назначен членом правления дороги» [24, 1930, 3 января]. Через Токио пришло и сообщение об освобождении советских граждан из концлагеря в Харбине [24, 1930, 7 января].

Публикации в советских СМИ создавали ощущение симпатий японцев к советской стороне, пострадавшей в ходе конфликта с китайскими властями в Маньчжурии. В октябре 1929 г. газета «Правда» поместила сообщение ТАСС из Токио под названием «Китайский застенков в описании буржуазного журналиста»: «Корреспондент японской газеты “Харбин Ници-Ници”, посетивший Сумбейский лагерь, рисует следующую картину жизни заключенных в лагере: “Помещения лагеря разрушены. Специально ввиду нашего приезда для заключенных готовился борщ... Человеческие чувства, – заявляет в заключение

корреспондент японской газеты, – не могут пройти мимо ужасов Сумбейского лагеря, в котором томится столько заключенных» [20, 1929, 15 октября].

После разрыва дипломатических отношений между СССР и КР интересы Китая в Сибири и русских в Маньчжурии представляли консульские учреждения Германии. Однако китайцы обращались за посредничеством и к японским представителям. На советско-китайской границе активным участником событий стало открытое еще в июне 1922 г. консульство. Первым возглавил это консульство Танака Итиро. Именно И. Танака и стал первым посредником на переговорах о прекращении военных действий в Маньчжурии. В Оперативной сводке №23 Особого отдела Особой Дальне-Восточной Армии. По состоянию на 21 ноября 29 говорилось: «20-го ноября в 9 часов утра на 86-й разъезд прибыли 3 сотрудника Японского Консульства в Маньчжурии и сообщили, что генерал Лян прибыл в Японское Консульство и попросил посредничества для сдачи гарнизона Маньчжурии в силу отказа китвойск сопротивляться натиску Красной Армии. Секретарю Японского Консульства в 10 часов этого же дня было предложено выехать обратно в Маньчжурию и передать Ляну: «Немедленно поднять в Маньчжурии белые флаги, прибыть на 86-й разъезд...». (Переговоры с Японскими представителями вело командование 21-й Дивизии)» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 42]. Китайский исследователь так описал эти события: «Командир 15-й бригады Северо-восточной сухопутной силы Лян Чжунцзя срочно приехал в японское консульство и попросил японского консула Тяньчжун вмешаться. После того, как Тяньчжун приехал в пункт Сяочжань в штаб советской армии для разъяснения причин, войска двух стран пришли к мирному соглашению» [28, с. 110].

Там, где это было возможно, в 1929 г. в Маньчжурии японские представители действовали совместно с представителями других стран. В «Разведсводке штаба ОДВА №158 от 14 декабря 1929 г.» отмечалось, что «особым данным войск разведки 13 декабря двт по КВЖД отправился специальный поезд коллегией иностранных консулов составе 18 человек том числе английский германский французский американский японский для осмотра КВЖД» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 175].

Участие Японии в событиях в Маньчжурии в 1929 г. было обусловлено еще одним фактором – наличием японского населения в охваченном конфликтом регионе. Если в 1904 г. в Китае, включая Маньчжурию, проживало 8,5 тыс. японцев, то в 1925 г. их было почти 225 тыс., что составляло более трети всей японской зарубежной миграции [29, с. 5]. Больше всего японцев в Северной Манчжурии проживало в Харбине. Однако значительная диаспора сложилась в районе станции Маньчжурия. Вдоль железной дороги от Маньчжурии до Хинганского хребта в июне 1929 г. проживало 264 японца, далее на восток вдоль дороги проживало 129 японцев, на станции Аньда было 72 японца, в поселке при станции Цицикар – 32 японца и т.д. [30, с. 30–32]. Японские мигранты в 1929 г. проживали и в других приграничных с Россией районах Маньчжурии, например, на Амуре. Исследователи писали: «Японцев в Сахалыне до 50 человек. Большинство из них состоятельные люди. Имеют в городе какие-либо мелкие предприятия, как-то: парикмахерскую фотографию, аптекарский магазин, гостиницу и т.д. Эта группа населения самая сплоченная» [31, с. 73].

Действия Красной Армии в районе Маньчжурия-Чжалайнор и карательные акции в Трехречье стали трагической страницей в истории русской эмиграции. У японцев,

традиционно, искали защиту от большевиков русские эмигранты и антисоветски настроенные китайцы. Это подтверждается Оперативной сводкой Особого отдела Особой Дальне-Восточной Армии за 20 ноября 1929 г., в которой: «Агданым японский врач скрыл до 20 белых и китофицеров (будут «дипломатично» изъяты). Чекистская группа приступила к работе с момента занятия Далайнора» [26, Ф. П-2, Оп. 1. Д. 167. Л. 41]. Вскоре именно неспособность китайских войск защитить русских эмигрантов от большевистских репрессий стала важнейшим аргументом японских агрессоров, позволившим привлечь на свою стороны симпатии большинства русской эмиграции в Маньчжурии.

После окончания боев встал вопрос о компенсациях для пострадавших японских подданных. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 декабря 1929 г. говорилось: «Разрешить т. Литвинову обещать японскому послу удовлетворение и компенсацию в связи с убитыми в Маньчжурии японцами, если будет установлена ответственность органов советской власти в данном случае» [9, с. 303]. Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) поручил советскому консулу в городе Маньчжурия выяснить размер убытков. Консул В.В. Смирнов подписал с И. Танакой «протокол, устанавливающий следующие бесспорные претензии: 1. Расходы на лечение раненого японского гражданина Иоситаки – в размере 1950 иен. 2. Убытки владельца японской гостиницы, пострадавшей от бомбардировки – в размере 1890 иен. 3. Небольшие разрушения в результате артиллерийского огня в здании японского консульства – 87 иен и 34 мекс доллара» [9, с. 253–254]. Претензии же японцев были гораздо значительнее: компенсации раненому японцу за утрату трудоспособности, «2) Компенсировать в порядке «утешения» родственников убитой японки Фудзи Иодзакэ – 10 000 иен. 3) За пропажу разного имущества японских граждан, якобы увезенного нашими войсками, уплатить различным японским гражданам около 2500 иен» [9, с. 254]. Л.М. Карахан написал по этому поводу И.В. Сталину: «Я полагаю, что нам не следует затевать больших споров по этому вопросу, тем более, что японские претензии оказались довольно скромными и яп пра по своей инициативе значительно урезало те чрезмерные претензии, с которыми к нему первоначально обратились японские резиденты» [9, с. 254–255]. Советский лидер, вероятно, согласился с доводами своего старого соратника, и, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б), 16 апреля 1930 г. Совнарком СССР выделил 21,5 тыс. иен для компенсации пострадавшим от действий советских войск в Маньчжурии японским гражданам.

Приведенные выше факты указывают, что в 1929 г. Япония проводила сдержанную и взвешенную политику в Маньчжурии. Однако есть основания полагать, что командование Квантунской армии использовало советско-китайский конфликт на КВЖД для активизации подготовки своих будущих захватов в Маньчжурии. Монгольский исследователь Ц. Батбаяр, опираясь на японские документы, указывает: «Свой первый поход оперативных действий офицеры штаба Квантунской армии начали 3 июля 1929 года и в течение 12 дней продолжали его на направлении Порт-Артур–Мукдэн–Харбин–Хайлар. В походе отрабатывали план захвата Харбина, а также план взятия и обороны Хайлара... В июле 1929 г. Ишивара разработал так называемый план подчинения Маньчжурии и Монголии (по-японски – Кантогун МанМо рею кэйкаку)» [32, с. 67].

Таким образом, советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. стал важным событием в истории Японии и советско-японских отношений. Японское присутствие в Маньчжурии, взвешенная политика японского правительства во многом обусловили имевшие место события в регионе. Однако успешное советско-японское взаимодействие 1929 г. не остановило наметившийся процесс свертывания двусторонних отношений, а советско-китайский вооруженный конфликт усилил, вероятно, позиции японских милитаристов, нацеленных на агрессию в Китае.

Список литературы

1. Алексеев И. Что происходит на КВЖД. Хабаровск: «Книжное дело», 1929. 43 с.
2. Скалов Г. КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД М.–Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. 63 с.
3. Дашинский С. Япония в Маньчжурии. М.: Партиздат, 1932. 52 с.
4. Окано. Революционная борьба трудящихся масс Японии. М.: Партиздат, 1934. 30 с.
5. Кочетов В.П. Борьба СССР за мир и дружбу с китайским народом и провал американских империалистов и китайских милитаристов на КВЖД в 1929 г. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГПИ, 1954. 16 с.
6. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII. М.: «Наука», 1967. 727 с.
7. Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2000 / под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. М.: Московский рабочий, 2000. 516 с.
8. Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945): историческое исследование. М: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 447 с.
9. Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сб. документов. В 2 кн. / отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. Кн. 2. 1926–1931. М.: Наука, 2007. 460 с.
10. Инаба Чихару. Советско-японские дипломатические отношения (1917–1962 гг.), каталог документов (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации). Токио: Наука Лтд, 1996. 541 с.
11. Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Йокибэ; научн. ред.: проф. Д.В. Стрельцов, доц. С.В. Гришачев, проф. Н. Симотомаи. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.
12. Аблова Н.Е. КВЖД в международных отношениях и истории российской эмиграции в Китае (к 110-летию дороги) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 270-285.
13. Забайкальский рабочий.
14. Федюнинский И.И. На Востоке. М.: Воениздат, 1985. 224 с.
15. Советская Сибирь.

16. Из истории взаимоотношений и сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке (1860-2008): тематический аннотированный перечень документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск: Издательский дом «Частная коллекция», 2009. 208 с.
17. Красноярский рабочий.
18. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
19. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (Г АНИИО).
20. Правда.
21. Красноармейская звезда.
22. Известия.
23. Государственный архив Новосибирской области (Г АНО).
24. Тихоокеанская звезда.
25. Экономический вестник. Издание японского торгового музея в г. Харбине.
26. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).
27. Власть труда.
28. Ван Тэцяо (王铁樵). 100 лет Маньчжурии. В ознаменование 110-летней годовщины со дня рождения города Маньчжурия (1901–2011 гг.) Хулуьбуэр: Изд-во «Культура Автономного района Внутренняя Монголия», 2011. 452 с.
29. Авдощенко А.Я. К вопросу о перенаселенности Японии // Вестник Маньчжурии. 1929, № 7–8.
30. Кормазов В.А. Движение населения в районе Западной линии Кит. Вост. жел. дор. (Участок ст. Бухэду – ст. Дуйциньшань) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 5.
31. Кормазов В. Северная окраина Хэйлуцзянской провинции (Китайское Приамурье) // Вестник Маньчжурии. 1929. № 6.
32. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. 229 с.

Поступила в редакцию 14.02.2016

Автор:

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета. E-mail: dazishen@mail.ru

Soviet-Japanese relations during the Chinese Eastern Railway conflict in 1929

V.G. Datsyshen

Japan and Soviet-Japanese relations in Manchuria were an important factor in the development of the Sino-Soviet conflict on Chinese Eastern Railway in 1929. Till present time there hasn't been enough research on this issue and in the historical literature it is most often treated with propaganda clichés. During summer-autumn of 1929 main information about the events in Manchuria was provided to Russia through Japan. The positions of the USSR and Japanese leadership on the issue of Chinese Eastern Railway mostly coincided with each other. 1929 was a time of successful bilateral interaction, however, both sides followed the course of further curtailment of Soviet-Japanese cooperation.

Keywords: Soviet-Japanese relations, Sino-Soviet conflict, Chinese Eastern Railway, Manchuria, 1929.

Author:

Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Siberia Federal University.
E-mail: dazishen@mail.ru